

Завьялов Н. Проблема взаимосвязи различных форм реальности в трудах В.И.Вернадского и Г.Г.Шпета

English version: [Zavyaloff N. The problem of interrelation of various forms of reality in V.I. Vernadsky and G.G. Shpet works](#)

Университет им. В.Сегалена, Бордо, Франция

[Сведения об авторе](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Раскрывается содержание понятий «биосфера» и «ноосфера» в трудах В.И.Вернадского и понятия «внутренняя форма слова» в работах Г.Г.Шпета [1]. Показывается общность и отличия позиций ученых в анализе взаимосвязи различных видов бытия как разных форм реальности – отрешенного, естественного, культурного. Доказывается роль слова в появлении и развитии ноосферы и влияние биосферы на формирование речи. Приводятся современные концепции, подтверждающие тесную взаимосвязь процессов развития речи, сознания человека с биологическими, социальными и социокультурными детерминантами.

Ключевые слова: биосфера, ноосфера, философия, реальность, внутренняя форма слова, бытие

Проблема соотношений и взаимосвязи разных видов бытия – отрешенного, естественного, искусственного (культурного) всегда была актуальной для ученых разных направлений – как естествоиспытателей, так и гуманитариев. Разные науки исходили из различного понимания учеными реальности – как естественной природы, как искусственной среды, созданной человеком, либо как культуры, вбирающей в себя и искусство, и науку, и природу, технику. В последние годы межпредметные концепции занимают все большее место в анализе соотношения культуры и природы, их влияния на развитие психики людей. Особое значение эти рассуждения принимают в настоящее время, в связи с открытиями в биологии, генетике, медицине, раскрывающими новые связи между искусственной и естественной средой и между физиологией, психологией и лингвистикой. Поэтому для осознания современности представляется крайне важным рассмотрение работ российских ученых первой половины XX века, идущих к идее синтеза разных видов бытия человека с разных позиций – естественнонаучной (Вернадский) и гуманитарной (Шпет).

Проблема биосферы и ноосферы в трудах В.И.Вернадского

При осмыслении проблемы культуры как реальности Вернадский в своих работах подчеркивает ее сложность и двойственность. Он развивает идею направленного развития живого вещества, отказываясь от роли случайности, отвергает понятия самопроизвольного зарождения жизни и естественного отбора. Вернадский подчеркивает важность взаимообусловленности окружающей среды и работы, деятельности человека. При этом ведущую роль в развитии всех видов бытия Вернадский придает человеческому разуму. Такой подход не исключает обращения к диалектическому материализму, который рассматривает проблему роли личности в истории, – Вернадский приписывает великим творцам и политическим деятелям ведущую роль в развитии человечества.

В принципе можно сопоставить законы борьбы противоположностей диалектического материализма с биогеохимическими законами, как их понимает Вернадский, с его идеей, согласно которой вселенная полна жизни, подразумевающей развитие всего живого вещества. Но у этого вещества свои собственные законы, превращающие его в биосферу и в культурно-научную энергию, то есть в ноосферу. Биосфера является природой, созданной свойственным ей разумом, переработанной

научной мыслью, и именно на мыслящего человека возложена роль побуждения к развитию и совершенствованию этой биосферы, имеющей определенное строение.

Можно отметить, что, подобно Энгельсу, рассуждающему о движении атомов, Вернадский употребляет понятие процветания (расцвета). Говоря о духе, он употребляет также понятия энергии и силы, которые становятся у индивидуального и коллективного субъекта активным побуждением к деятельности и определяют направление этой деятельности. Однако Вернадский замечает, что организованный человеческий труд, социальные производственные отношения неотделимы от сущности биосферы, так как социальные силы не свободны от природы [Вернадский, 1991]. Дело в том, что важно владеть природой, а не господствовать над ней во имя производственных отношений, определенных материальными законами. Жизнь является вечной, и научный разум может быть «вечным» созданием. Это означает, что нет места случайности. То же утверждают и материалистические философские концепции, но, по мнению Вернадского, они не признают примата науки над философией. Диалектический материализм, например, не устанавливает резкого различия между живой и мертвой материей [Вернадский, 1991]. Для Вернадского система науки, которая рассматривает действительность только с логически-критической точки зрения, несовершенна. Логика и математика, подчеркивает он, должны быть правильно использованы, необходимо брать в расчет тот факт, что научные истины изменяются, а потому существует вероятность ошибок.

Заметим, что надо еще определить критерии этой критики и этой логики. Они не ограничиваются эмпирическими обобщениями, категориями, наблюдаемыми фактами, научными знаниями, которые Вернадский считает конкретными. Его внимание привлекают не «слова-понятия» (привлекающие философов), а «слова-предметы». Научной мысли следует углублять познание объектов в области биосферы, планеты, космоса. Такова ее истинная цель, и Вернадский считает, что понятия о биосфере и ноосфере являются неотъемлемой частью науки. Однако смысл, вкладываемый им в эти понятия, является отчасти ограниченным.

Живое вещество своим происхождением и своей собственной эволюцией для продолжения жизни и выживания обеспечено адаптивными средствами, основанными на чувственном познании, на его оценочной функции. Действительно, речь не идет только о рефлексии и воли какой-нибудь отдельной личности, но и о воле социально организованной личности, которая принимает участие в практической и политической активности и прагматично проверяет с помощью интеллекта ее результаты.

На основе броуновского движения молекул (Вернадский говорит по этому поводу об изменении изотопических смесей) первичные РНК – носители информации и метаболические машины – были в одну из эпох геологической истории планеты (по мнению Вернадского) предметами положительного естественного отбора, когда они под воздействием внешних условий давали преимущества клетке и способствовали ее выживанию. Здесь может идти речь о переработке информации, являющейся предметом оценки. Это оценивание соответствует эмоциональному чувственному познанию самых первых организмов. Такая чувствительность связана с информацией (знаниями, наследственностью, началом процесса восприятия и понимания, т.е. позднейшей научной мысли), сохраненной в генах (в памяти ДНК и РНК). Зачаточное состояние биосферы и ноосферы может возникнуть на этом уровне. Такие процессы на протяжении геологических эпох развились, усложнились, привели к организмам с более высокой чувствительностью, которая связана с осмысленным пониманием мира, с его запоминанием, сохранением в «отрешенной реальности».

Главный вопрос для Вернадского – это вопрос о взаимоотношениях человека с природой. Ответ зависит от определения, что такое природа и когда, где и, особенно, как возникла жизнь. Если, согласно Вернадскому, природе присущ разум, то живое вещество характеризуется своей особой организованностью. Эта организованность способствует увеличению, под воздействием человека, новой формы космической энергии, позволяющей ему изменить биосферу, увеличить ее способности, создавая, например, атомную энергию. Сегодня можно указать и на превращение человека в киборга, в искусственный разум. А это означает возвращение к идее Ламарка, согласно которой некая внутренняя сила в определенный момент достигает совершенства, будучи к этому подготовленной. Но такая организованность кажется лишенной средств оценки результатов, к которым приводит научная мысль (и которые противоречат геологическому процессу, чьим созданием она является) [Вернадский, 1991]. Именно здесь следует вмешаться чувственному познанию, в котором

мыслительный и оценочный процессы тесно связаны.

Можно отметить здесь некоторое основное различие современных концепций с подходом Вернадского. По его мнению, живое вещество имеет свой процесс эволюции (параллельно с процессом эволюции видов, который зависит от изменений окружающей среды). В ходе геологического времени происходит непрерывный рост центральной нервной системы живого, возможно, не зависящий от изменений среды [Вернадский, 1991]. А это значит, что подчеркивается автономия этой системы и ее почти абсолютная власть. Напротив, современные концепции подчеркивают взаимосвязь всех процессов развития и адаптации друг с другом. «Питание человека, обильным ли оно было или, напротив, слишком редким, играет также роль в поддержании метилирования генов и изменяет эпигеном из поколения в поколение. Эта связь между питанием и эпигеномом, кажется, отражает механизм адаптации к окружающей среде, но в современных обществах это приводит к нарушениям функционирования» [Paldi, 2012, p. 97]. Можно учитывать взаимодействия между человеческими обществами и процессами равновесия биосферы, но иногда трудно описать мир, в котором мы можем предсказать, какими будут возможные ответы на произошедшие изменения. Например, если говорить о питании, то можно напомнить об использовании фосфатов и о гибели вследствие этого океанов и почв. В рамках полемики, касающейся вопросов глобального потепления, прозвучало предположение, что парниковый эффект может быть связан с естественными циклами (позитивными и негативными). Заметим, однако, что человеку не следует производить изменения, угрожающие шаткому равновесию Земли. На эти угрозы отзываются некоторые социальные, экологические решения, некоторые способы производства и приемы потребления, которые преодолевают последствия неожиданных природных явлений и хищнической конкуренции.

В подходе Вернадского к анализу понятий живой субстанции, планетного процесса, космической энергии Солнца можно обнаружить идею космизма. Эта идея есть и у Шредингера [Schrödinger, 1993, 2011], который, полемизируя с Демокритом, исключает на теоретическом уровне всякое вмешательство и выражение чувственного.

С одной стороны, такой научный подход к действительности принадлежит более широкому культурному пространству, тому, что Шпет истолковывает как «отрешенную реальность» [Chpet, 2007]. Слова как предметы (вещи, события, личности) принадлежат конкретному, материальному миру. Этот мир облечен историей, памятью человечества. С другой стороны, иногда результаты развития живого вещества противоречат геологической силе, определенному ею разуму. Тут открывается возможность для рефлексии и критики, возникает некоторый кругооборот самого разума, который определяет идею и реальность биосферы и ноосферы как непреложных утверждений науки, высказанных внутри этой же самой ноосферы.

Концепция внутренней формы слова Г.Г.Шпета в контексте разных видов бытия

Г.Г.Шпет, анализируя через функционирование языка область культуры как отрешенную реальность, соединяет воедино биологическую природу социального бытия с пониманием роли разных видов бытия в развитии всех форм языка. Он подчеркивает тот факт, что Демокрит, утверждая вместе и истинность чувственного опыта и его неистинность, не сумел объяснить, как происходит переход движения атомов в мышление [Chpet, 2010]. Шредингер, со своей стороны, объясняет это, придавая важную роль гену («апериодическому кристаллу») и универсальному генетическому коду, что, возможно, имеет некую связь с понятием биогенной миграции атомов, о которой говорит Вернадский и в которой можно отметить космическое предназначение человека.

Шпет отвергает некоторые заключения естественных наук (в частности, социального дарвинизма и неodarвинизма). В анализе социального поведения индивидуального и коллективного субъекта он отдает предпочтение идее открытой эволюции, ненаправленной силы (энергии), непрерывного творчества разума под воздействием импульса чувственных телесных форм [Завьялов, 2009]. Подход к внутренней форме слова, представляющей собой культурные законы, объективированные познавательные процессы, у Шпета близок к изучению природных законов, как их сформулировал на биологическом уровне Дарвин. Внутренняя форма актуализируется внешними условными и субъективными формами, различными символами, то есть тем, чему может соответствовать понятие

ноосферы. Даже если Шпет ничего не говорит о происхождении языка или жизни, он опирается, учитывая роль случая и гибкость поведения по отношению к социальному пространству и времени, на идею, согласно которой вселенная полна вероятностей проявления живого вещества (в зависимости от стечения благоприятных обстоятельств). Это означает, что переработка информации организмами сопровождается чувственной оценкой и не связана исключительно с разумом.

Естественные законы живого мира являются биологическими процессами, определяющими жизненную эволюцию. Культурные законы являются процессами, лежащими в основе развития обществ и форм поведения организмов. От уровня восприятия их взаимозависимости зависят жизненные стратегии и выживание этих обществ и индивидов, населяющих землю.

Мы задаем себе вопрос, каким же образом можно установить эту взаимосвязь? Вспомним размышления Шпета, высказанные в произведении «Внутренняя форма слова» (1927), в котором он дает характеристику культуры в контексте исторического времени, точнее, той области культуры, которая базируется на вербализованной мысли. Слова – это материальные знаки, воспринимаемые как культурные архетипы, но также как след понятия, как форма выживаемости. Этот след и эта форма запечатлеваются в отрешенной реальности, которая остается связанной с действительностью и неотделимой от объективного мира. Такая реальность (частично понятная действительность) состоит из конкретных знаков (слов), конкретных наподобие предметов (индивидов, вещей и событий), и является одним из проявлений жизни. Исследуя употребление этих знаков, организованных в системы, возникающие в ситуациях адаптации, Шпет выделяет не только более или менее скрытые формальные структуры языка, но и своеобразное сознание – «ничье сознание».

Таким образом, Шпет выявляет понятие внутренней формы слова, ошибочно игнорируемое лингвистикой. Этой форме, актуализированной употреблением знаков, соответствует деятельность духа, мышления, но деятельность конкретная. Шпет старается освободить когнитивные акты от их чересчур абстрактного, нематериального, бесплотного характера. Действительно, во многих языках слова, относящиеся к пространству, свидетельствуют о чувственном познании: оно связано с положением тела по отношению к силе тяготения, к небу и земле, с жизненной активностью. Например, в арабском языке одно и то же слово обозначает левую сторону, левую руку и север, ибо восток находится впереди. Нельзя сказать, что в высказывании «восходит солнце в семь часов», общее содержание слова «солнце», более или менее отделенное от чувственного познания, оказывается только грамматическим подлежащим или семантическим субъектом предложения. Это обозначало бы, что содержание сенсорного восприятия предвещает абстрактное высказывание благодаря грамматическому сказуемому «восходит» в качестве предиката.

То, что выражает предикат в своей рациональной, мыслительной и обозначающей форме, является не представлением представления, а конкретной информацией, связанной с чувственным познанием. Говорящий (Птолемей, Коперник, любой человек) субъективно выбирает такой предикат и выражает одновременно эмоциональную окраску своего высказывания, что подчеркивает конкретное содержание суждения, ошибочно названного абстрактным, ибо эмоциональная окраска актуализирует внутреннюю форму, законы оцененного понимания вещей. Речь дает возможность чувственно выразить прошлое, настоящее и будущее время и пространство с помощью не только лексики, но и метафорических и грамматических компонентов глагола (совершенного или несовершенного вида) согласно макро- и микроскопическому мировоззрению и научно-технологическим знаниям и, в особенности, с учетом необратимой и обратимой характеристики времени. Анализ церебральной обработки временной информации сравнительно с пространственной информацией оказывается сложным [Балашова, 2012].

В производстве высказывания речь идет не о диалектике отдельного и общего, наглядно-образного (в субъекте, в подлежащем) и абстрактного (в предикате, в сказуемом), а о выражении творческой неопределенности адаптивных телесных способностей, которая является основанием чередования стабильности и нестабильности организмов, их различных состояний. Стабильность (гомеостаз, власть, грамматическая норма) является следствием закона больших чисел или необходимости, но это не отнимает значения у нестабильности, связанной со случайностью, с динамикой эволюции.

Слово может рассматриваться либо как форма, соответствующая концепту в себе [Humboldt, 1974], либо как изображение в виде копии или отражения объективной действительности, хотя такое

изображение все же не может всецело сравняться с моделью [Engels, 1971]. Это слово своей звучащей фонетической формой является как бы материальной оболочкой, случайным, немотивированным, необоснованным знаком. Нет никакой связи между этой оболочкой и обозначаемым содержанием, эта форма непосредственно не связана с природой вещи [Saussure, 2002]. Слово заключает в себе концепт. В связи с этим, что обозначает форма слов? На этимологическом уровне форма может, с одной стороны, быть мотивированной.

С другой стороны, своим происхождением она соотносится с интеро- и экстероцептивным восприятием признаков вещей. Выбранные звуки соотносятся во внешней и внутренней среде. В таком качестве эта форма является произвольной, ибо произвольно восприятие. Природное явление «гром» может быть выражено в виде грохота и раската, которые изображают согласные «г», «р», «м», или в виде шума и напряжения (французское слово “tonnerre”). Это проявляющееся в исходном слове активное восприятие сохраняется в его исторических формах и значениях. С учетом того, что австралопитеки и *Homo habilis* не заимствовали вокализаций у шимпанзе, можно все же обратить внимание на некую непрерывность сигналов и знаков, употребленных западными африканскими обезьянами. Эти обезьяны, чтобы предупредить других о присутствии леопарда, употребляют звуковой ряд «к-р-к», который изображает треск веток (на фр. яз. “craquement”) под лапами животного; они могут модулировать эту вокализацию и придать ей грамматическую форму в связи с уровнем сообщаемой тревоги [Darwin, 2008].

Можно говорить также о другом уровне словесных высказываний. Например, прилагательное «больной», которое интериоризируется говорящим, подвергается во внутренней и внешней речи субъективации с помощью интонационно-ритмических средств. Фраза «Он серьезно болен!» выражает эмоционально оцененное, осмысленное отношение к больному субъекту и сообщает о статусе говорящего субъекта в определенных культурных и биологических ситуациях. При использовании телесных языков, обработанных и превращенных мозгом в вербализованные и невербализованные действия (в системы символических знаков), внутренняя форма объективируется в виде процессов. Речь идет о когнитивных процессах осмысления, оценивания, запоминания, к которым мы можем прибавить процесс обратной связи (сохраненной естественным отбором способности устранять недостатки и дефекты в организмах и в окружающей их среде) [Tort, 2008].

Внутренняя форма слова у Шпета относится к законам, определяющим социальную жизнь, социальное бытие, в котором разнообразие форм поведения, субъективная выразительность коммуницирующих субъектов ограничиваются своей социальной значимостью. Шпет указывает, что не только отсутствуют две тождественные индивидуальности, но и в каждом индивиде присутствует множество разных индивидуальностей. Мы считаем возможным сегодня совместить эти законы с природными законами, основанными на понятиях эволюции, происхождения и упорядоченности видов, и согласно которым разнообразие физических и языковых индивидуальных и коллективных форм поведения наделено биологической значимостью [Darwin, 2008].

Заключение

Признавая, что в определенных условиях существует корреляция природных законов на разных стадиях возникновения высших форм жизни, и исходя из некоторых свойств их культурного выражения в системах знаков, можно сформулировать две идеи. Во-первых, это идея о чередовании жестокой борьбы за существование и симбиотических явлений, в котором решается вопрос биологического выживания. Во-вторых, это идея о конкретном культурном выживании индивидуального и коллективного субъекта. Мы принимаем во внимание понятие репликации (размножения или воспроизводства) – один из законов, о которых говорит Дарвин, то есть законов роста (питания и сохранения организма) и изменчивости. Этот закон не относится только к размножению организмов и производству машин; он определяет материальное, культурное пространство – памятники, библиотеки, музеи и медиатеки, социальные сети, виртуальные миры, языки, то есть все культурное наследие, в котором осуществляется обратимость времени, не исчезает потребность в будущем и создаются цивилизации.

Современная генетика и, в особенности, эпигенетика исследуют наследственную функцию РНК в геноме, имея в виду роль метаболизма и условия окружающей среды. Эти исследования показывают,

что упомянутые природные законы устанавливаются по мере того, как происходит эволюция вследствие случайного дрейфа генов. Речь идет, может быть, о дифференциации, вызванной движущими силами развития и метаболическим процессом [Paldi, 2012].

В «Кратиле» Сократ не исключает факт, что тело может противостоять току атомов [Platon, 1950]. Это тело ("soma") не является тюрьмой, в которой заключена душа, оно участвует в создании смысла ("sema"). Так, ссылаясь на диалогический или полифонический обмен, создающий знаковые системы в отношении вещей и событий, можно было бы установить соответствие понятия биосферы и понятия семиосферы [Lotman, 1999]. Семиосфера была бы тем пространством, элементы которого производили бы организмы, а организмы создавал бы разум. Следствием этого оказался бы общий код, который реорганизовал бы себя и регулировал бы подсистемы, стараясь в то же время изменять природу, вместе того чтобы приспособляться к ней. Однако это означало бы, что, уже на другом уровне, мы остаемся в пределах ментальных действий, духовного единства, энергией которого является энергия информации, мысли (может быть, не совсем самодовлеющего разума, но не зависящего постоянно от чувствительности живых природных тел). Термин «семиосфера» подсказала сама научная мысль Вернадского.

Этот термин не соответствует тому, что имеет в виду Шпет, когда он употребляет термины «семасиология» и «отрешенная реальность». В семасиологическом подходе нужно исходить из употребления конкретных знаков, которые отсылают в активном восприятии, приспособляющемся к изменениям окружающей среды, к определенным телесным формам. Эти формы превращены в модулированные жесты, фонически изображающие вещи и события, создающие, как чувственно испытываемые понятия и идеи, историческое время и пространство, своего рода формы сопротивления, о котором говорит Сократ. Это значит, что соответствующие вышеуказанные знаковые системы (семиосфера и отрешенная реальность) функционируют по-разному.

Можно также выдвинуть и идею, согласно которой жизненный опыт и чувство жизни зародились случайным образом уже на уровне первичных РНК и расширились благодаря направленной экспрессии генов. Речь идет об обработке информации уже в зародышевом образовании примитивных клеток. Такая обработка оценивалась, усложнялась и привела к чувствующим организмам с более развитым мозгом. При приобретении знаний, во время интериоризации значений, субъект, сравнивая их с внутренней лексикой, сопоставляет свои телесные состояния – страсти и желания – с природными и социальными обстоятельствами. Так субъект понимает мир и себя. Мозг все точнее и точнее способствует превращению чувственного познания – телесных форм – в знания, в том числе в виде запоминаемых слов.

Природные законы направляют эволюцию и создают взаимоотношения между организмами. Живое вещество появляется по мере того, как оно осуществляется и приспособляется. Это приспособление основано на приобретенных знаниях и на неопределенности желаний и страстей, наделенных биологической и социальной значимостью, возбужденных внешними объектами или гормонами. Эти желания и страсти, становясь ценностями, уравновешены и ориентированы знаниями (прежде всего, научными и художественными), которые они вызывают.

Рассмотрение этой чувствительности, проявляющейся в социокультурном плане, оказывается базой для подхода Шпета, когда он подчеркивает роль так называемых моторосимпатических механизмов, лежащих в основе разных форм социального поведения [Chpet, 2007]. Речь идет об объективированных культурных законах, которые воплощены внутренней формой и обусловлены конкретными взаимоотношениями между организмами и творческой энергией, создающей отрешенную реальность.

Если мы говорим о взаимозависимости между человеком и окружающей средой, то вклад Вернадского очень значим и важен. По его мнению, в гуманитарных науках детерминанты социальных отношений содержатся в параметрах самой социальной организации, в правах и обязанностях субъекта. Однако, возможно, речь идет либо о субъекте, который от природы ссылается на детерминанты, присущие физико-химической или сверхъестественной природе, либо о субъекте, природа которого, с ее законами развития, придает ему способность располагать мерой всех вещей в научном понимании мира. Вернадский сожалел о том, что гуманитарные науки оставляют без внимания перестройку природы: биогеохимический мир сам меняется и заставляет признать себя.

Благодаря разуму человек позитивно и негативно меняет природу и в то же время способен размышлять над своими действиями. Но можно отметить, что постепенное мировое развитие выполняется не только благодаря отвлеченной рациональной активности. Конечно, Вернадский желает отделить логику познания природы в физико-химических науках от логики наук биосферного цикла. Но у Вернадского понятия соотношения природной и культурной реальностей характеризуются некоторой ограниченностью. Он неправомерно отличает человека, благодаря его разуму и превосходству перед высшими животными, от других форм живого.

В области генетики и эпигенетики, в отношении к дарвиновскому пониманию эволюции, следует обратиться к А.Опарину [Опарин, 1924], идеи которого о первичном абиогенном синтезе обосновывают исследования функций РНК (другой формы пластичности живого вещества). Это на уровне симбиотических форм поведения в социальной практике позволяет согласовать отрешенную реальность с действительностью. Воля человека, желающего понять и изменить природу, зависит от понимания этих функций и этой реальности. Кажется, что Вернадский только частично воспринимает дарвинистскую эволюцию – эволюцию видов, предлагая свое понятие эволюции – эволюции геологических сил. Следовательно, можно, размышляя над вопросом о возникновении жизни, искать ответ в памяти ДНК и РНК. Можно видеть в отрешенной реальности (в том смысле, который вносит в это понятие Шпет) некоторую экзистенциальную форму культурной сферы [Марцинковская, 2014], связанную с определенным понятием эволюции живого. В этом открывается новая реальность.

Литература

Балашова Е.Ю. Пространство и время в лурьевской нейропсихологии: непростой диалог. В кн.: Н.К. Корсакова, Ю.В. Микадзе (Сост.), Наследие А.Р.Лурии в современном научном и культурно-историческом контексте: К 110-летию со дня рождения А.Р.Лурии. М.: Мос. гос. университет, 2012. С. 93–106.

Вернадский В.И. Научная мысль как планетарное явление. М.: Наука, 1991.

Завьялов Н. Развитие понятия «внутренняя форма слова» Г.Г.Шпета в когнитивных науках. Вопросы психологии, 2009, No. 3, 97–102.

Марцинковская Т.Д. Сравнительный анализ подхода к проблеме биосферы и ноосферы в трудах В.И.Вернадского, В.С.Соловьева и С.Л.Рубинштейна. Психологические исследования, 2014, 7(33), 2. <http://psystudy.ru>.

Опарин А.И. Происхождение жизни. М.: Московский рабочий, 1924.

Шпет Г.Г. Отзыв о работе С.И.Данелия «Научное знание в представлении Демокрита». Философская критика: отзывы, рецензии, обзоры. М.: Росспэн, 2010, 311–313.

Chpet G.G. La Forme interne du mot. Paris: Kimé, 2007.

Darwin Ch.L'origine des espèces. Paris: Flammarion, 2008.

Engels F. La dialectique de la nature. Paris: Editions sociales, 1971.

Humboldt W. Introduction à l'oeuvre sur le Kawi et autres essais. Paris: Edition du Seuil, 1974.

Lotman J. La Sémiosphère. Limoges: PULIM, 1999.

Paldi A. L'hérédité ne passe pas seulement par l'ADN. La Recherche, 2012, 463, 40–47.

Platon. Le Cratyle. In: Oeuvres complètes. Paris: Gallimard, 1950. Vol. 1, 613–691.

Saussure F. Ecrits de linguistique générale. Paris: Gallimard, 2002.

Schrödinger E. Qu'est-ce que la vie. Paris: Edition du Seuil, 1993.

Schrödinger E. L'esprit et la matière. Paris: Edition de Seuil, 2011.

Tort P. L'effet Darwin. Sélection naturelle et naissance de la civilisation. Paris: Edition du Seuil, 2008.

Примечания

[1] Сохранены особенности литературного стиля, орфографии и пунктуации автора.

Поступила в редакцию 17 июня 2014 г. Дата публикации: 24 февраля 2015 г.

Сведения об авторе

Завьялов Николая. Ph.D., профессор, лаборатория когнитивных наук, Университет им. В.Сегалена; лаборатория Европа Европейскость Европеизация, Национальный центр научных исследований, Университет им. Мишеля Монтеня, Бордо, Франция.

E-mail: zavialoff@idc.u-bordeaux2.fr

Ссылка для цитирования

Стиль psystudy.ru

Завьялов Н. Проблема взаимосвязи различных форм реальности в трудах В.И.Вернадского и Г.Г.Шпета. Психологические исследования, 2015, 8(39), 11. <http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Завьялов Н. Проблема взаимосвязи различных форм реальности в трудах В.И.Вернадского и Г.Г.Шпета // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 39. С. 11. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: <http://psystudy.com/index.php/num/2015v8n39/1095-zavialoff39.html>

[К началу страницы >>](#)